

День без любви

Автор:

Анна Данилова

День без любви

Анна Данилова

Красота и внутренняя сила Ирены одинаково действовали на мужчин и женщин: на нее хотелось походить, ей хотелось повиноваться. Весть об убийстве Ирены – молодую женщину намеренно задавили машиной – поразила друзей и ввергла в отчаяние сестру красавицы Женю Родионову. Узнав много нового о сестре, Женя пытается понять, кто так жестоко расправился с нею. Один из любовников, не смирившийся с наличием соперника? Бывший муж, ревновавший ее к прошлому и будущему? Или тот, кого Ира опередила в поисках старинного клада, зарытого в одном из богатых стамбульских домов?

Анна Данилова

День без любви

1. Шумен. Начало апреля 2007 г.

Иорданка Дончева ровно в семь утра поставила бутылку с молоком на порог своей веранды и уселась в плетеное кресло выпить чашку кофе. Начало апреля в

этом году было теплым, медленно, словно набирая силу, распускались розы, под крышей веранды кружились ласточки, разрезая тишину и солнечный покой мирного утра, из глубины кухни, из открытого окна доносилась полная любви и страсти песня Иванны – там работал новенький радиоприемник. Иорданка смотрела поверх розовых кустов на тропинку, ведущую к калитке, откуда с минуты на минуту должна была появиться госпожа Ирена. Но прошла минута, пять, десять, а ее соседки, покупающей у нее каждую пятницу молоко, все еще не было. Редко бывало, чтобы она запаздывала. Госпожа Ирена – русскиня, так в Болгарии называют русских женщин, – нравилась Иорданке своей приветливостью, вежливым обращением и той особой красотой, которая подчас действует даже на женщин – на Ирену хотелось походить: так же, как и она, не сутулясь, ровно и прямо держать спину, так же улыбаться, так же тихо и спокойно говорить, проговаривая каждое слово, пусть и смешно, неловко, на милой смеси русского и болгарского языков. Особенно ей нравилось, когда она говорила «моля...», что означает «пожалуйста, прошу».

Иорданка достала сигарету, уже вторую по счету в это утро (первую она выкурила, подоив свою единственную корову), и вдруг услышала шум подъезжающей машины, визг тормозов, и что-то желтое промелькнуло за ветвями шиповника, заменявшего изгородь, отделявшую сад от пешеходной дорожки. Затем сдавленный вскрик, хруст, звук сильного удара, и снова страшный визг тормозов, словно невидимая машина сложно маневрировала прямо перед домом... И все. Машина уехала. Стало тихо. Иорданка, не выпуская изо рта сигарету, поднялась с кресла и медленно двинулась вдоль посыпанной белым щебнем дорожки к калитке. Откуда-то она уже знала, что случилось что-то непоправимое. Чувствовала. И это желтое, большое, сверкнувшее в утреннем луче солнца, было не что иное, как такси. Но что забыла здесь эта машина? Ведь Шуменское плато – это самая окраина города, и машин здесь практически не бывает, тем более в такой ранний час.

Пыль еще не осела на дорогу, и в воздухе пахло чем-то бензиновым, сладким и душным. Совершенно не утренний запах. На обочине, на сломанных и искореженных ветвях шиповника, обливаясь кровью, лежала женщина. Рядом с ней в пыли – корзинка с искрошенным печеньем. Иорданка отлично знала, кому принадлежит эта корзинка и это печенье, как и это шелковое розовое платье, на ее глазах напитывающееся кровью. Голова Ирены была запрокинута, и по белой шее струилась кровь.

Иорданка подумала, что машиной ей оторвало голову.

«Леле боже!..»

2. Москва. Конец апреля 2007 г.

Даже самой себе не хотелось признаваться в том, что жизнью женщины, ее поступками часто движет мужчина, во всяком случае, ее отношения с ним. И если замужняя женщина еще как-то пытается что-то там склеить, выправить если не отношения, так хотя бы ситуацию, которая на первый взгляд кажется невыносимой, то женщина разведенная, вдруг осознав свое внезапно узаконенное одиночество и почувствовав неожиданно острое наслаждение от сознания полной свободы, находится в состоянии, похожем на эйфорию. И пусть это чувство временное, шальное и женщина находится в некоторой растерянности из-за незнания того, как же ей теперь предстоит жить, с кем бороться и кого винить в неудавшейся жизни, все равно оно воспринимается ею как награда за пережитые страдания, выплаканные слезы.

Приблизительно в таком состоянии находилась Женя Родионова, когда вернулась домой после унижительной процедуры развода, где ей пришлось прямо в ЗАГСе встретиться лицом к лицу со своей соперницей, любовницей мужа, поджидавшей его в коридоре, причем с самым невозмутимым видом. Зачем она пришла туда? Чтобы досадить Жене, чтобы продемонстрировать свою преданность мужчине, которого она отбила у нее? Или, быть может, она сделала это неосознанно, просто как женщина, повсюду сопровождавшая своего мужчину, тем более что чувства их еще горячи, так же как их головы и сердца.

«Я не хочу больше думать о них. Не хочу и не буду».

Надо было как-то жить. Приводить в порядок мысли, чувства, спальню, постель, кухню, ванную комнату, помыть окна, наконец. Самое время.

Она переделалась и первым делом собрала по всей квартире грязное белье, сунула часть в корзину, другую – в стиральную машинку, засыпала порошок, плеснула в емкость густой розовой кондиционер, включила и, услышав знакомый звук льющейся где-то в глубине машины воды, испытала чувство, похожее на начавшееся очищение. Так, первый шаг был сделан. Теперь – кухня. Женя открыла посудомоечную машину, выкатила корзину и переложила из

раковины грязные тарелки и чашку внутрь, в отдельный лоток сложила ложки и вилки – готово дело. И здесь началась невидимая и тщательная работа. Раковину Женя чистила сама, надев новые оранжевые резиновые перчатки. Оттерла до блеска плиту, кафельную стену, две кастрюли – одну из-под макарон, вторую – из-под пригоревшей овсянки.

Полы в кухне мыла с каким-то остервенением, ковры в спальне и гостиной пылесосила уже более спокойно, видя, как преобразуется запущенная, как и сама хозяйка, квартира, как она становится чище, лучше.

В дверь позвонили. Пришла подружка Вита. Красивая, с фиалковыми глазами, в фиалковом джинсовом жакете и белых летних брюках.

– Ну что, отстрелялась? Тебя можно поздравить? Все закончилось? – Она обняла Женю и сунула ей в руки пакет. – Это торт. Твой развод надо отметить.

Она осмотрелась и в восхищении подняла вверх большой палец:

– Супер! Ты – молодец. Я всегда знала: ты сильная, справишься... наведение чистоты в данной ситуации – самое то, что нужно. Выше нос, Женчара!

Женя, обрадовавшись приходу подруги, унесла пылесос в кладовку и, крикнув из ванной комнаты, чтобы Вита заварила чай, встала под душ. Вылив на ладонь густой лимонный гель для душа, подумала: как хорошо, что есть еще люди, способные думать не только о своей личной жизни, но и о том, как сделать жизнь других людей приятнее, вот, к примеру, изобрел же кто-то и этот замечательный гель, и этот восхитительный шампунь. Да если бы все люди зацикливались на своих бедах и несчастьях, жизнь бы остановилась!

Она выходила из ванной комнаты с мыслью, что становится странной: никогда прежде ей и в голову не приходил вопрос – кто изобрел гель для душа или шампунь? Она достаточно хорошо знала себя, свою психику, чтобы понять: это затишье – временное, и эта уборка, эта попытка отвлечься от главного, от того, что теперь у нее нет мужа и он принадлежит другой женщине, лишь оттянет момент самого страшного – истерики... Истерики. Она и сама стала уже бояться себя. И если бы можно было убежать от себя, она побежала бы – босиком, быстро-быстро, на пределе своих возможностей, обдирая ноги и стирая пятки, неслась бы, как ветер, чтобы только убежать от своих страхов, кошмаров и

надвигавшегося, как осенняя туча, одиночества.

Но разве возможно убежать от себя?

Вита поджидала ее в кухне, сидя за накрытым столом: заваренный чай, нарезанный на куски торт. Истерика отступила. Даже в груди не давило, не саднило, как прежде.

- Ну, хочешь, я переночую у тебя? – словно прочтя ее мысли, предложила Вита. – Я же вижу, что ты боишься.

- Остайся. Мне так будет спокойнее.

- А что ты решила с Ириной? Поедешь?

- Да. Я и билет взяла, послезавтра утром самолет на Пловдив.

- Думаю, ты поступила правильно. Смена обстановки – вещь великая. А что она, твоя драгоценная Ирина, ты с ней говорила? Дозвонилась?

- Нет. Думаю, что она либо потеряла телефон, она часто их теряет, или же сменила номер.

- А домашний?

- Не знаю. Не отвечает.

- А вдруг она уехала куда-нибудь?

- Ну и что? Подожду. Все равно это лучше, чем оставаться здесь одной, в этих стенах.

- Ладно, успокойся. Мне-то зачем объяснять, я и так все понимаю. Съешь кусочек торта, полегче будет, и постарайся не думать о том, что произошло.

- Легко сказать. Она же туда пришла.

– Кто?

– Светка, кто же еще?! Не знаю, что она забыла там, в ЗАГСе, ведь знала, что мне будет неприятно. А еще подруга!

– Бывшая. Классический вариант, – произнесла Вита задумчиво. – Вот не ожидала, что она так поступит. И ведь как тщательно они все скрывали...

Вита вдруг поняла, что еще немного, и она спровоцирует Женю, вызовет у нее реакцию на эти слова, на всю эту историю, трагедию.

– Прости, Женька. Я и не знала, что и у меня все так накопилось, наболело. А еще о своем Андрее подумала: а вдруг он тоже изменяет мне с какой-нибудь моей подругой? Если разобраться, то любовница из числа подруг жены – идеальный способ скрывать роман, ведь твоя подруга постоянно рядом, и ты можешь не заметить, просмотреть их отношения.

Она снова запнулась.

– Да ладно, не переживай, говори, что думаешь, тем более что умные люди на самом деле учатся на чужих ошибках. Вот и ты тоже учись на моих, разрешаю. – Женя горько усмехнулась. – Хотя, думаешь, я не слышала подобных историй о предательствах самых близких подруг? Слышала, но, как видишь, ничего не заметила, жила как с завязанными глазами, даже счастливой была, представляешь? Что же касается моей личной жизни в принципе, то это у нас семейное – у мамы не сложилось с отцом, и она практически всю жизнь жила одна. Да и у Иры, похоже, та же самая история. Не знаю, может, мы, что называется, не мудрые женщины? Вот ведь как считается: если женщина прощает измены мужа, значит, она мудрая. Но мне лично это непонятно. Какая, к черту, мудрость, когда женщина терпит предательство мужа, закрывает глаза на его похождения – ради чего? Ради большой и светлой любви, пахнущей чужими женскими духами и разрисованной помадой соперниц?

– Я тоже не понимаю, что здесь мудрого. Женщина просто не уважает себя и делает вид, что все идет нормально. Хотя обычно ей кажется, что она просто переживает период, пока муж не наиграется с очередной куклой, чтобы потом снова вернуть его в свои, прямо скажем, материнские объятия. Думаю, твоя

история более чистая, честная, и лучше развод, чем постоянное ожидание, пока тебя не бросят окончательно. Хотя ты говорила, что он был против развода, что, когда ты закатила ему истерику и сказала, что все знаешь и что не намерена больше терпеть...

- Ну, хотелось ему сохранить сразу двух женщин, ему это удобно было. Ладно, Вита, хватит об этом. Я уже все решила. Поеду в Болгарию, благо что у меня в запасе еще целых два с половиной месяца визы и там меня ждет самый близкий человек - сестра. Жаль, что ты с ней не знакома. Она - удивительная! И я ее обожаю.

- Ты так много мне о ней рассказывала. Она старше тебя?

- На шесть лет. Но внешне это не заметно. Ты бы видела ее. Хотя я же показывала тебе фотографии.

И Женька, на время забыв о своих бедах, принесла альбом и принялась листать, показывая подруге семейные снимки.

- Вот это мама с папой, они - такая красивая пара, но, говорю же, ничего у них не получилось. Он и попивал, и погуливал. Котяра, словом. А это вот моя сестра, Ирочка. Она с детства такая красавица, спокойная, улыбчивая и какая-то тихая, хотя у нее ох как много душевных сил. Я так до конца в ней и не разобралась. Иногда мне кажется, что она знала изначально много о жизни, что у нее какая-то своя, особенная философия. Вот я, к примеру. Живу чувствами, импульсами, у меня беспорядок во всем - и в сердце, и в мыслях, и в квартире. Ты загляни в мой шкаф, и тебе сразу станет ясно, что в моей голове. Много красивых дорогих вещей, но все они словно случайные, совершенно не подходящие к моему скромному образу жизни. Хочется надеть свои вечерние платья, какие-то немислимые парчовые жакеты, муслиновые юбки, а я ношу одни джинсы и свитера. И туфли. У меня их целая коллекция, но я ношу удобные швейцарские спортивные ботинки практически круглый год. И если что-то покупаю, то снова точно такие же. А в шкафу скопилось много коробок с босоножками, туфлями, сапогами. И все это на шпильках, неудобное, невозможное. А вот Ирина, - Женя погладила снимок с изображением сестры (нежное матовое лицо в обрамлении вьющихся каштановых волос, большие темные глаза, маленький, похожий на розовый бутон, рот), - она не такая. Она - сама гармония. Очень женственная, хотя тоже не гнушается демократическими джинсами. Но все равно, предпочитает юбки, блузки, у нее много украшений, особенно серег и бус. С тех

пор как она встретила своего Николая и переехала в Болгарию, а оттуда рукой подать до Стамбула, у нее появилось много турецких серег, длинных, до плеч. Хотя поначалу ей было не до них.

– А как она познакомилась со своим мужем? – спросила Вита, не скрывая интереса к сестре подруги. – И почему она вышла замуж за болгарина? Он что, был очень красив?

– Красив, – промямлила Женя. – Да, это правда. Он красивый. Высокий, видный, темноволосый, черноглазый. И знаешь, такой уверенный в себе. Он приехал в Россию по делам, они встретились случайно, и он очень быстро окрутил ее, обаял и увез в свою Болгарию. Не скажу, чтобы он был болтуном и обещал ей золотые горы, нет, не стану врать. Но ему почему-то хотелось верить – в его любовь, в его надежность... Но когда Ирина переехала в Шумен, то словно очнулась, пришла в себя, оглянулась и поняла, что совершенно не о такой жизни она мечтала, да и Николай не тот мужчина, каким он ей показался здесь, в Москве.

– Какие проблемы-то?

– Оказалось, что у него проблема с работой, он – человек амбициозный, неуживчивый, мало что умеет, словом, они первое время просто нищенствовали. И моя сестра в письмах описывала свою жизнь такой, какой она ее видела. Не скрывала своей бедности, но и не жаловалась. Просто констатировала факты.

– А где они там жили? Неужели снимали жилье?

– Нет, жили-то они в отцовском, вернее, в дедовском доме, в какой-то развалине на окраине Шумена, рядом с фабрикой. Маленький садик, огородик, две козы, три курицы, собака. Моя сестра, представляешь себе, доила своих коз, писала мне, как это, оказывается, тяжело, что они не даются, а у нее потом руки болят. И это всего две козы у них было. Еще и куры, и индюк... Я не могла представить себе мою сестру, живущую в таких условиях. Не то чтобы она была изнеженная, нет, я знала, что рано или поздно она всему научится, но мне было обидно за нее, за то, что такая красивая девушка досталась нищему парню, который к тому же совершенно не приспособлен к жизни.

– Почему она его не бросила?

- Не знаю. Первое время жила с ним, я думаю, потому что ей было страшновато оставаться там одной, да и развод с болгаринном, как она мне писала, это проблема.

- Но она же могла вернуться домой, в Москву. Эта квартира так же ее, как и твоя, верно?

- Не знаю. Она просто жила и жила, возможно, придумывала для себя какую-то новую жизнь, что-то там затевала. Не знаю, как тебе сказать, но первые месяцы и годы брака Ирина словно осваивалась на новом месте, в новой стране, и, вероятно, что-то она нашла, какое-то решение, раз потом так хорошо устроилась в этом самом Шумене. Она ушла от Николая, открыла магазин, построила дом.

- Мужчина?

- Думаю, да. Думаю, ей помог кто-то, кто сильно полюбил ее. Одна бы она не смогла так подняться. Ты бы видела ее дом! Он хоть и одноэтажный, но такой красивый, уютный, там все сделано с таким вкусом, вложено столько денег... Словом, моя сестра, как видишь, не растерялась и устроилась, как хотела. А что касается ее покровителя, любовника или друга, называй как хочешь, то я никогда его не видела. Моя сестра, когда мы с ней встречаемся, мало говорит о себе, ее интересую я. И она словно живет моими проблемами, всегда мне помогает, подсказывает, как надо поступить, деньги опять же дает. В прошлом году мы с ней ездили в Грецию, прямо из Болгарии, так она мне шубу купила, ты же знаешь.

- Это хорошо, когда есть такая сестра.

- Знаешь, я могу говорить о ней бесконечно. Так что если получится с документами, а я в них ничего не смыслю, то, возможно, я перееду к сестре, буду помогать ей в магазине. А ты, Виточка, будешь приезжать ко мне в гости.

- А море там есть, в Шумене?

- Час езды до Варны, до моря, до Золотых Песков. А что такое час?

- Поезжай. Я рада, что ты немножко пришла в себя, развеялась.

– Вита, спасибо, что пришла. – Женя обняла подругу. – Ты сможешь мне собраться? Не представляю, что с собой брать. У нее же все есть! Даже ту одежду, которую я привожу с собой, я практически не надеваю, Ирина покупает мне что-то новое. Мы обязательно поедem с ней в Варну, в Софию... Ух! Даже дух захватывает! Все, решено, больше ни одной мысли, ни одного слова о драконах. Пожалуй, я съем еще один кусок торта. Вита, как ты думаешь, почему моя сестра молчит? Куда она подевалась? Может, укатила за границу? Хотя... Она же знает, что у меня трехмесячная виза, я могу в любое время приехать.

– Ты же сама говоришь, что она время от времени куда-нибудь уезжает, то в Турцию, то в Германию.

– Ладно. Я знаю, у какой соседки она хранит запасные ключи от дома. Ее зовут Иорданка. Ирина покупает у нее молоко. Вот она-то мне все и расскажет. Жаль, что у меня нет ее телефона.

3. Шумен. Октябрь 2005 г.

Она уже привыкла к своему новому имени – Ирена. Вместо русского Ирина. Госпожа Ирена. Так смешно, как и многое другое, что окружало ее, чем она жила в этой удивительной и непредсказуемой стране – Болгарии.

Госпожа. Вся страна перестроилась, из социализма смело шагнула в неизвестность и, разоряясь, пытается найти свой путь в этой хаотичной новизне, превратила своих полунищих граждан в господ. Госпожа Ангелова, госпожа Вилкова, госпожа учительница, господин нотариус, господин адвокат...

Ирина помешала в кастрюльке фасоль, бросила горсть душистого джоджена – болгарской мяты, щепоть красного молотого перца и чубрицы. Вот теперь все, можно выключать.

Она переставила тяжелую кастрюлю с плиты на стол, подложив толстую деревянную подставку, достала сигареты, подошла к раскрытому окну кухни, уселась на подоконник и закурила. С минуты на минуту должен был вернуться

Николай. Он каждый день делал вид, что уходит искать работу, но вместо этого гулял по Шумену, пил литрами кофе (общие знакомые не без удовольствия докладывали ей о том, что видели его то в кафе «Кристалл», то возле Русского памятника – основные ориентиры центральной части Шумена, Славянского бульвара), курил дорогие сигареты и просто жил, нисколько не заботясь о том, что в доме ни стотинки, а жена близка к тому, чтобы тихо собраться и, не оглядываясь, сбежать куда подальше – к другому ли мужчине, в другую ли страну, в другую жизнь.

Поначалу Ирина воспринимала безработицу мужа как что-то временное и неизбежное – так, без денег и перспектив, начинали многие смешанные пары: жена – русская, муж – болгарин. Но после приезда в Болгарию прошел месяц, другой, третий, полгода – и ничего не изменилось. Вникать в то, почему Николай, электрик по профессии, никак не может найти работу, было бесполезно. Он что-то там объяснял, пытался даже вызвать сочувствие к себе: мол, вот как мне трудно, в стране безработица, рабочих мест нет, а если где и есть, то платят гроши, но результат был один – жалкое пособие по безработице и тягостная беспросветность. Ирина, поначалу устроившаяся на работу в частное ателье, вынуждена была буквально через пару дней уволиться: мужу показалось, что хозяин ателье, красивый Радо, оказывает ей излишние знаки внимания, и это при том, что Николай ничего не видел, не знал и строил свои догадки, руководствуясь исключительно своим болезненным чувством ревности.

– Коля, ты был дома и ничего не видел, с чего ты взял, что на меня кто-то там засматривается? – спрашивала она, оглушенная его криками и упреками.

– Я видел твоего Радо, видел, как он смотрел на тебя! Это вы не видели меня, были заняты, увлечены беседой. А я смотрел с улицы, в окно, и едва сдерживался, чтобы не ворваться к вам... – Он кричал на русском, пересыпая свои слова болгарскими ругательствами.

Радо он видел один раз, когда они первый раз пришли в ателье, чтобы поговорить о работе. Ирина нашла объявление в газете о том, что в ателье требуются «шивачки», но пойти самой, не зная языка, чтобы договориться о работе, показалось ей занятием бесполезным, тем более что у Николая куча свободного времени и ему совершенно ничего не стоит помочь жене с переводом.

– Ты просто не хочешь, чтобы я работала. Ты не работаешь, я должна сидеть дома, при тебе, потому что ты ревнуешь меня к каждому встречному. Как же мы будем жить?

Она в отличие от мужа говорила тихо, спокойно и знала, что каждое сказанное ею слово будет услышано Николаем и что именно это ее природное внешнее спокойствие и терпение пока что и удерживает их брак. Брак, который, как ей казалось в самом начале, основывался на страстной любви.

– Ничего, как-нибудь проживем, – внезапно затихал и он. – У меня пособие, пусть небольшое, но хозяйство...

Николай привез ее из России в Шумен, в дом деда – большой, но ветхий, требующий ремонта, с большим садом, запущенным огородом, двумя козами, тремя курицами, одним индюком и старой больной собакой. Родители Николая погибли в Стамбуле, при землетрясении – никто так и не понял, что они забыли в Турции, к кому поехали, вроде бы в гости к какому-то болгарскому турку, другу отца. Дед же Николая, Райко Колев, тихий сумасшедший, доживающий свой век в старческом доме, давно пребывал в своем, полном каких-то фантастических звуков, мире.

Ирина, в полном недоумении от такой унылой и бедной жизни, в которой сложно было найти что-то приятное (понятное дело, что Николай, предлагая ей жить в Болгарии, нарисовал их будущую жизнь в более радужных, жизнеутверждающих красках), тем не менее понимала, что в Россию она все равно не вернется, это не в ее характере, она не привыкла отступать, и что она не хуже болгарских женщин, сумеет как-то устроиться в этой жизни, в этом пока еще чужом для нее мире. И должно пройти какое-то время, прежде чем она освоится и поймет, чем ей заниматься и как себя вести, чтобы выбраться из нищеты. В глубине души она понимала, что Николая она не любит и никогда не любила, что поначалу это была страсть, а потом – желание как-то изменить свою жизнь, попробовать жить вместе с женщиной, с мужем. До встречи с Николаем у нее были какие-то влюбленности, романы, но все это теперь, когда она оглядывалась назад, казалось ей полудетским, несерьезным. Николай же был реальным мужчиной, взрослым, хотя и эгоистичным, самолюбивым, не в меру ленивым, нервным, ревнивым, но в то же самое время невыразимо нежным и ласковым. Если бы не эти два последних качества, она бы никогда не вышла за него замуж, даже если бы он был богат и удачлив.

Потом была попытка устроиться в зоомагазин – но и там ничего не вышло. Хозяйка магазина внезапно разорилась и уехала из Шумена в Русе, к дочери, Ирина снова осталась без работы. Язык давался с трудом, ей постоянно казалось, что болгары – это те же русские, которые подзабыли свой язык и теперь смешно коверкают слова, делают их какими-то детскими, игрушечными, несерьезными. Кондитерская называлась «сладкарницей», аэропорт – «летище», обувь – «обувки», пивная – «бирария», мороженое – «сладолед», железнодорожный вокзал же произносился и вовсе странно – «жэпэгара». К тому же первое время она никак не могла привыкнуть, что кивок головы означает отрицание, а когда человек мотал головой, что по-русски означало бы «нет», в Болгарии значило – «да». Хотя уже очень скоро, отрицая что-то, Ирина тоже научилась задирать подбородок и «цыкать», а кивать головой в знак несогласия.

Постепенно наладился быт. Вдвоем, ничего толком не умея, они с Николаем отремонтировали дом – подштукатурили, побелили кривоватые, волнистые стены, выровняли полы, постелили толстые шерстяные килимы, оставшиеся еще со времен бабушки, покрасили оконные рамы, повесили купленные на базаре за один-два лева немецкие и бельгийские («втора рыка») занавески. Ирина подштопала и выстирала настенные вышитые болгарские национальные коврики – розы на черном фоне (мрачновато, зато теперь комнаты смотрелись как этнографический музей). Огромное количество металлических мисок, которые Ирина нашла в чуланчике, были тщательно вычищены и пущены в ход. Пришлось учиться пользоваться дровяной печью, готовить на ней.

Когда в доме откуда ни возьмись появлялись деньги (Николай время от времени с приятелем-турком занимался контрабандой сигарет и алкоголя), Ирина покупала ткань и шила себе что-нибудь на старенькой швейной машинке, или – дешевую грубую овечью шерсть, из которой научилась вязать чорапы и терлицы (чорапы – носки, терлицы – короткие турецкие вязаные тапочки). Соседка-турчанка, Несибе, научила ее готовить из козьего молока брынзу. Продав два Ирининых золотых кольца и браслет, молодые купили скромный телевизор, антенну. Ирине иногда казалось: все, что с ней происходит, – долгий и болезненный сон. Она смотрела этот сон, училась жить в нем и все равно ждала, что вот она проснется, наденет свой любимый домашний халат (она оставила его в Москве, подарила сестре перед отъездом), зайдет в сверкающую чистотой и пахнущую мылом ванную комнату и пустит горячую воду в ванну, заберется в нее и будет лежать долго-долго, пока не прогреется не только телом, но и душой.

Залаял Цезарь – громко, зло, словно увидел кого-то чужого. Ирина подошла к окну и увидела идущего по дорожке сада человека. Несмотря на то что собака лаяла отчаянно и рвалась с цепи, он шел уверенной походкой, и именно по походке она его и узнала. Стефан. Родной брат Николая. Совершенно не похожий на него, антипод – светловолосый, нежный, улыбчивый, просто душа. Цезарь, рассмотрев его, тоже смолк, завилял хвостом, Ирина увидела, как Стефан присел возле пса и ласково трепал ему загривок.

– Привет, малыш. Цезарь, умница, хорошая собака. Дай лапу. Дай! Вот молодец! Bravo!

Ирина вышла на крыльцо. Стефан, увидев ее, просиял, схватил за руку, притянул к себе, поцеловал в щеку:

– Здравей, Ирена! Как си?

– Добре. Нормально. А ты? Как дела, Стефан? Сто лет у нас не был. Твоя адская машина дожидается тебя.

Под адской машиной она имела в виду металлоискатель. Стефан привез его давно, из Пловдива, где жил со своей подружкой – танцовщицей кабаре, Стефкой. Когда Ирина впервые увидела этот прибор, инструмент, эту махину, она почему-то сразу поняла, что она предназначена для поисков золота. Хотя прежде она, возможно, видела такое по телевизору, где же еще? Спросила еще тогда в шутку у Стефана: клады приехал искать? И тот вполне серьезно ответил – да, и ничего смешного в этом нет, здесь многие ищут золото и находят. Привел примеры, даже называл имена людей, якобы нашедших золотые монеты или самородки; она так и не поняла, потому что отнеслась к этому как к мальчишеской, нереализованной в детстве, навязчиво-романтической идее. Однако Николай ночью, когда они легли спать, сказал, что Стефан на самом деле ищет золото и вроде бы даже знает место, где можно его найти.

– Ты хочешь сказать, что Стефан хочет найти месторождение золота? – Ирина даже рассмеялась.

– Да тише ты, – он даже хлопнул ее по руке. – Тише! Стефан услышит. Какие самородки... Он монеты ищет, клады, понимаешь?

- Но откуда здесь клады?

- Со времен Османской империи! Да здесь, под Шуменом, знаешь сколько кладов уже нашли? А в деревнях почти в каждом доме - металлоискатель. Люди же не дураки, знают, что ищут.

- А Стефан? Он уже что-нибудь нашел?

- Пока нет. Но все равно ищет. Он даже мне место это не показывает. Вот и сейчас собирается. Ты видела, какой мощный фонарь он привез?

- Коля, но это же смешно! В темноте искать клад... И где?

- Он знает место.

- А тебе показать не хочет, вместе бы и нашли.

- Хватит болтать. Это его клад, его место, его мечта.

- Но нам бы клад тоже не помешал, - сказала она с усмешкой.

Ей вдруг показалось, что она лежит в постели с полным идиотом. Клад! Металлоискатель! Безработный! Нищий! Да кто он такой вообще, черт возьми?! Она даже отодвинулась от мужа, накрылась с головой одеялом и закрыла глаза. Подумалось: может, любовника завести? Богатого. Так надоело есть одну брынзу и фасоль. И выслушивать бредни амбициозного Николая!

Но никакого золота тогда Стефан не нашел, хотя затею свою не оставил, приезжал еще несколько раз и ночами искал свой фантастический клад.

На этот раз он никак не прореагировал на ее слова об адской машине.

- Ты Николая подождешь или поешь?

Он с аппетитом поел фасоли, похвалил маринованный красный перец и залпом выпил целую банку компота из черешни. Пришел Николай, братья обнялись, и Ирина, чтобы не мешать им, ушла к соседке. Несибе приготовила ей турецкий кофе. В крохотную чашку плеснула немного родниковой воды и опустила туда нагревательный самодельный прибор – две чайные ложки с электропроводом. Когда через несколько секунд вода нагрелась, насыпала сахар и молотый кофе, размешала, и через секунду кофе поднялся шапкой, стал похож на густой горячий шоколад. Несибе поставила на маленький столик коробку с шоколадным печеньем, которое в Болгарии называют бисквитами.

– Несибе, у тебя самый вкусный кофе на свете, – Ирина отхлебнула кофе и улыбнулась. – К нам Стефан приехал.

Несибе, средних лет турчанка с красивым открытым лицом, большими темными глазами и носом уточкой, кивнула головой:

– Аз видях.

Она всегда все видела и знала. Ее невозможно было ничем удивить.

– Злато ли търсет?

– Не знаю. Я их оставила одних, Николай, я видела, открыл бутылку ракии[1 - Ракия- болгарский самогон.], пусть поговорят, они давно не виделись.

Несибе спросила, не нашел ли Николай работу.

– Нет, не нашел. Он ее никогда не найдет.

Турчанка вздохнула в ответ.

– Живот без компот, – повторила она свою любимую поговорку, смысла которой Ирина долгое время не могла понять. Но, как объясняла сама Несибе, живот, то есть жизнь, без компота – значит, пресная, неинтересная, без сладкого, бедная.

– Компот есть, а радости – нет, – тихо произнесла Ирина.

– В Союза ще ходиш?

Союзом в Болгарии продолжали называть Россию.

– Нет.

Она сказала это неожиданно жестко, даже немного агрессивно: мол, ни за что, никогда! И сама себя спросила: может, она не права и ей действительно стоит вернуться домой? К Женьке, к родной сестричке, по которой она скучала смертельно и которую не видела с тех пор, как уехала из России. Ну что она будет делать здесь: без работы, без нормального, работающего мужа, без будущего?

Она еще в саду услышала крики. Братья ссорились. И это было удивительно. Даже обычно тихий и доброжелательный Стефан что-то кричал, а Николай и вовсе матерился. Она прибавила шагу, распахнула дверь в кухню и увидела, что братья – пьяные, раскрасневшиеся, вся закуска цела, а на столе – две пустые бутылки из-под айвовой ракии.

– Коля, что у вас тут случилось? Что вы не поделили?

– Не твое дело, – ответил Николай.

Она посмотрела на него и вновь испытала то самое неприятное чувство, которое росло в ней уже давно и было похоже на тошноту, но не физическую, а какую-то другую, от которой хотелось забиться куда-то подальше и пережить, перетерпеть это желание – исторгнуть из себя нечто зловонное, чужеродное. Словно она по ошибке проглотила Николая и теперь хотела от него избавиться, выплюнуть его – со всеми его грубыми словами, амбициями, обещаниями. Вот такое странное чувство нелюбви, презрения, ненависти.

Она попыталась убрать со стола переполненные пепельницы, но Николай так посмотрел на нее, что она поняла: он не хочет ее видеть, они со Стефаном о чем-то не договорили или просто недопили.

Козы пришли со стадом, она подоила Лизу и Эмму, дала им по горсти кукурузы, напоила водой, закрыла кур, собрала яйца и вернулась в дом. За перегородкой из куска полиэтилена она помылась согретой водой из ведра, надела старый махровый халат и легла в постель, включила телевизор, нашла русский канал. Все. Теперь можно и отдохнуть. Красивая дикторша, от которой, как иногда казалось Ирине, даже сквозь слой толстого экранного стекла доносился легкий аромат духов, рассказывала о том, как менялась жизнь в России, как все налаживалось, упорядочивалось, совершенствовалось. «Хорошо там, где нас нет», – подумалось Ирине. Она все еще цеплялась за Болгарию, все еще думала о том, как можно изменить свою жизнь, чем заняться, что себе позволить. Перешагнуть через себя и посмотреть на окружающих ее мужчин другими глазами – глазами незамужней, свободной женщины? Говорят, мужчины это чувствуют. И что дальше? Стать содержанкой какого-нибудь директора магазина или фабрики? Строительной фирмы или телефонной компании? Или позвонить тому красивому старику-турку, с которым она случайно встретилась в одном из кафе, на Славянском бульваре, и который буквально пожирал ее глазами? Он приехал из Анкары, в гости к родственникам, его звали не то Хусейн, не то Хамди. Он неплохо говорил по-русски и сразу же предложил Ирине поехать к нему в Анкару. Он сказал, что такой красивой женщины, как она, он никогда прежде не видел. Она знала, что ей не следует разговаривать с посторонним мужчиной, это нехорошо, здесь такое не принято, тем более что к русским женщинам в Болгарии, как и в Турции, относятся с предубеждением, считая их самыми красивыми, но и самыми доступными, но все равно рассказала ему, что она приехала из Москвы, замужем за болгаринном. Ей тогда, помнится, было ужасно стыдно за свои потертые джинсы и старую белую блузку, не говоря уже о стоптанных шлепанцах, которые она расшила стразами. Турок сразу же обратился к ней на «ты», не церемонился, сказал, что он богат, у него дом не только в Анкаре, но и в Стамбуле, он женат, у него дети и внуки, но это ничего не значит: он купит ей дом или квартиру, будет содержать ее. Он говорил это так, что ему хотелось верить. К тому же он выглядел настолько rispetтабельно, чисто, богато... Но больше всего Ирине запомнились его глаза: черные, глядящие нахально куда-то внутрь ее, в самую глубину, достающие до самого чувствительного женского нерва. Она закрыла глаза и на мгновение представила себя обнаженной, находящейся в какой-то просторной комнате, увешанной восточными коврами. Откуда появилось это видение, эта картинка? Ей даже показалось, что она почуяла запах каких-то благовоний или крепко заваренного чая.

Хусейн (она решила остановиться на этом имени) понял, что она в растерянности, ей нужно время, чтобы принять решение. Он оставил ей свою

визитку и исчез. Растворился в толпе праздных болгар. От него на столике осталась мятая купюра в пятьдесят левов. «По-нашему, это тысяча рублей», – подумалось Ирине. Она расплатилась по счету, и у нее осталось сорок пять левов. Ровно столько стоили красные туфли, которыми она любовалась каждый раз, когда ей приходилось бывать на Славянском бульваре. Но туфли она не купила. Зашла в Булбанк и открыла счет. Почувствовав себя состоятельной дамой, она вернулась домой с новым, приятным чувством того, что она хотя бы немного, но защищена. «Живот без компот». Пусть будет компот, хотя бы один глоток!

Она проснулась от шума и криков. Братья разошлись не на шутку. Но вмешиваться в их ссору было уже опасно. Главное, чтобы они не подрались. Но Николай, к счастью, не драчун. Покричать любит, показать свое «я», но руки не распускает. Но и Стефан хорош, такими словами ругается! Ирина выключила лампу, телевизор и снова закрыла глаза.

«Куда же я спрятала его визитку? И как его зовут на самом деле?»

4. Пловдив – Шумен. Конец апреля 2007 г.

Аэропорт в Пловдиве, куда она прилетела charterным рейсом, был крошечным. «Вроде районной автобусной станции где-нибудь в глухой российской провинции. Странное дело, – подумалось ей, – я за границей, но мне кажется, что я все еще в России». Долетавшие до нее слова, произносимые болгарами, казались ей русскими, но какими-то искаженными до неузнаваемости. Хотелось топнуть ногой и крикнуть: прекратите коверкать слова, говорите нормально!

Накрапывал дождь. Постояв немного на небольшой площадке перед зданием аэропорта, она спросила, где здесь можно найти такси. И тут же улыбаясь, похожая на Бабу-ягу женщина с приятнейшим акцентом ответила ей, что это просто, она сейчас вызовет такси по телефону. Оказывается, ей тоже надо было на автобусную станцию.

– Из Союза? – спросила она.

– Из России, – гордо ответила Женька.

– Когда сядем в такси, молчите, – посоветовала болгарка. – Если услышат русскую речь, такса увеличится вдвое, а то и втрое.

Женька присвистнула. Что же это теперь, молчать? Хотя спасибо, что предупредила.

Машина такси, маленькая желтенькая букашка с шашечками на боках, прикатила быстро. Уселись вдвоем с женщиной на заднее сиденье. И уже в машине Женька вдруг поняла, что у нее только доллары и рубли, болгарских денег нет. Она, помня о том, что лучше не раскрывать рта, достала стодолларовую купюру и показала женщине. Пожала плечами, как в немом кино: мол, что делать? Та ласковым жестом похлопала ее по руке. Понятное дело, что расплачивалась на автобусной станции она сама. Такси уехало, и тогда Женька стала активно предлагать своей спутнице подождать, пока она не разменяет деньги и не вернет ей половину стоимости поездки.

– Мы, болгары, любим русских, и я рада, что смогла помочь тебе, – сказала женщина.

Жене показалось, что она хочет сказать что-то еще, быть может, поделиться какими-то своими воспоминаниями, связанными с тем периодом, когда политика обоих государств была направлена на дружбу и дети из Советского Союза писали письма своим болгарским друзьям. Но тут началась посадка на Софию, симпатичная Баба-яга, откинув со лба прядь прямых седых волос, крепко пожала Женьке руку и побежала к автобусу.

Женькин автобус на Шумен должен был прийти только через два часа.

На станции она разменяла доллары, купила баницу – жирный слоеный пирог с брынзой, стаканчик кофе. Перекусила. Телефон без связи с внешним миром казался мертвым. В одном из кафешек, расположенных неподалеку, она попросила разрешения позвонить по телефону в Шумен, объяснила, что она русская, ей нужно срочно позвонить сестре. Улыбчивая продавщица помогла ей набрать номер. Но мобильный телефон Ирины не отвечал, домашний же своими длинными гудками навевал грусть.

В автобусе, оказывается, можно было сесть на любое место. Женя села у окна, справа по движению. Прилипла к стеклу, пытаясь понять, что же это за страна такая, Болгария, почему ее сестра Ира вот уже почти пять лет живет здесь и не собирается возвращаться домой, в Россию.

Но буквально первый час пути навел на Женю тоску: потянулись маленькие унылые сельские пейзажи с полуразвалившимся домиками под тяжелой, готовой рухнуть на головы крестьян, черепицей, с обреченными на смертельный труд шерстяными ишаками да бредущими в неизвестном направлении черными, как копоть, цыганами. И только природа, пышные ее леса, сжимавшие узкую горную дорогу, высокие каменные мосты и прорубленные в скалах живописные туннели, сверкающие под солнцем речки, ровные ряды молодого, молочной спелости винограда радовали глаз. Хотелось выйти из прокуренного автобуса (в салоне курили многие, постоянно; в горле першило и руки так и чесались дать кому-нибудь из курящих затрещину!) и подышать свежим воздухом, осмотреться, почувствовать на вкус новую страну, впустить в себя запахи хвои и дубов, илистых ручьев и молодой травы.

В населенных пунктах подсаживались крестьяне, с виду затюканные, замученные работой и очень дисциплинированные. Казалось, эти люди неопределенной национальности – гремучая смесь болгар, турков и цыган – счастливы уже тем, что вообще живут на этой земле, дышат. Исключения из этой пестрой, смугло-черноволосой, с баулами и безучастными лицами толпы составляли холеные молодые болгарочки, с виду студентки – длинноногие, стройные, плоские, одетые в обтягивающие джинсы и тонкие блузки, с хорошим дорогим маникюром, большим количеством золотых украшений и непременной сигареткой в зубах. Они, такие в общем-то разные и почему-то кажущиеся одинаковыми, типовыми, благополучными, беспрестанно отвечали на звонки, говорили, как показалось Жене, одинаковыми голосами, произнося одинаковые слова: «Моля... Колко хубаво! Приятен дэн. Обичам те...» В сущности, если разобраться и рассмотреть этих девушек хорошенько, то все они словно сошли с обложек глянцевого журналов – прекрасные, густые и блестящие от природы волосы, гладкая, пока еще не подпорченная никотином, кожа, большие глаза, длинные ресницы, тонкие пальцы, стройные бедра.

На одной из остановок, возле дорожного кафе, за летними столиками под красными зонтами «Кока-Кола», где пассажиры, уставшие после дороги, пили кофе и, конечно же, курили, к Жене, пившей черносмородинный сок, который

назывался почему-то «черен касис», под села неопределенного возраста и очень странного вида женщина. Женщина-девушка. Точнее, девочка с глупым, исполненным наивности и восторга, лицом и фигурой перезревшей женщины лет пятидесяти. В коричневом плащике, с сальными волосами, красными щеками и мокрыми от слюны губами. «Больная», – догадалась Женя, и ей стало как-то не по себе, потому что эта ненормальная вдруг уставилась на нее и все смотрела, блаженно улыбаясь и словно собираясь что-то сказать. Она была не одна: ее сопровождала изможденная бледная женщина в строгом черном костюме. И хотя она выглядела моложе больной «большой девочки», Женя догадалась, что это ее мать.

– Вы из Союза? – наконец решилась спросить «девочка» и замерла в ожидании ответа.

– Ну... да. Из России, а что? – Грубить как-то не хотелось, но и сок словно застрял в горле. «Что ей надо, этой ненормальной? И как она узнала, что я русская?»

– Понимаете, вы покупали сок, и Надя услышала русскую речь...

– Мы будем дружить, – уверенно заявила большая Надя, счастливо вздыхая. – Я буду тебе писать, а ты – мне. Дай мне твой адрес.

– Вы извините ее, она в детстве переписывалась с подружками из Союза, – вздохнула мать, переживая за то, что доставила Жене беспокойство своей больной дочерью.

– Надя напишет, Надя получит письмо. Я люблю русских девочек.

Она склонила голову набок, и ее сальные волосы жирными сосульками закрыли половину красного от возбуждения лица.

Женя, схватив бутылку с остатками сока, бросилась к автобусу. «Из Союза...»

Больше она эту Надю с ее мамой не видела. Автобус покатило дальше, в глубь страны, в ту ее часть, где проживало больше всего болгарских турок, – в Шумен.

Глядя из окна на проплывающие мимо пейзажи, рассматривая улицы маленьких городков, Женя вдруг сравнила Болгарию с некогда цветущей и здоровой женщиной, которую бросил муж, и она захирела, зачахла, растерялась. Много старых панельных, построенных еще при Союзе, домов, магазинов, и все это соседствует с чем-то новым, чистым, современным. И в то же самое время они проезжали мимо таких древних селений, в которых могли обитать разве что тени людей, живших здесь столетия назад, – настолько все было запущено, разрушено временем, присыпано красно-желтой пылью. Когда шея устала и Женя откинула голову назад, на мягкую спинку сиденья, и закрыла глаза, перед ней возникла устойчивая, похожая на смазанный негатив картинка: коричневый, с густой шерстью, ишак, стоявший на склоне горы и поедавший фиолетовые цветы.

Она приехала вечером, когда Шумен заливал уже темно-оранжевый, отливающий смуглым золотом свет. Город, расположенный в низине, у подножия поросшей густым лесом горы, казался приютом цыган и болгарской бедноты на окраинах и уютным, почти курортным, чистеньким, европейским в своей центральной части, начиная от отеля «Мадара» и заканчивая роскошным старинным парком, в который упирался фешенебельный, пропитанный запахом свежесмолотого кофе и сигарет Славянский бульвар.

На автостанции, расположенной напротив железнодорожного вокзала, выстроились желтые жуки – такси. Женя помнила адрес сестры наизусть.

– Добр дэн, – произнесла она, стараясь подражать болгарам и помня о том, какая такса ее ожидает в случае, если она будет разоблачена и таксист поймет, что она иностранка.

Таксист, смуглый полный человечек лет сорока пяти с длинными, подстриженными под «гавроша» седыми волосами, кивнул головой, и машина покатила по узким, выложенным старинным булыжником улочкам.

Когда показались сады и красивые виллы, сердце Жени сильно забило. Она вдруг поняла, что она – в Болгарии, в Шумене, и что сейчас она увидит свою дорогую Ирину, прижмется к ней и, наверное, разрыдается, вспомнив недавний развод и свое внезапное и постыдное одиночество.

– Вот, это здесь, стойте, мы приехали! – вдруг вскричала она, когда показалась красная крыша дома и вычурные, с ажурной решеткой, ворота, а за высоким каменным забором поплыли пышные кроны грецкого ореха, черешни, кизила. – Господи, наконец-то!

Таксист повернулся к ней и широко улыбнулся.

– Из Союза? – спросил он.

– Из Союза, – мрачновато усмехнулась она, понимая, что выдала себя. Но теперь уже было все равно, она приехала, а остальное, разница в два-три лева, роли не играла.

Расплатившись с таксистом, всучив ему два лева, Женя подошла к воротам и посмотрела на окна дома, красновато, закатно поблескивающие за зеленью плетистой розы. Они были темными, хотя в это время дня Ирина уже включала свет в кухне и тогда терраса впереди дома освещалась золотистым уютным светом.

Ворота запирались автоматически, это она помнила. А вот калитку можно было открыть и механическим способом, если она не была заблокирована дополнительно. Но ни ворота, ни калитка не открывались.

Женя, тоскливо взглянув на массивные прутья решетки, вздохнула и поплелась на соседнюю улицу, повыше, располагавшуюся ближе к лесу, к самой окраине города, к подножию Шуменского плато. Место живописное в светлое время суток, но сейчас оно выглядело жутковато. Женя, как оказалось, неплохо ориентировалась и довольно быстро нашла нужный дом. Окна в нем светились, и сквозь прозрачные белые занавески можно было увидеть, как показалось Жене, самую хозяйку, Иорданку.

Она позвонила и замерла возле калитки, не спуская глаз со светящихся окон. Дверь распахнулась, и на пороге появилась женская фигурка.

– Моля! – крикнула женщина.

– Иорданка?

- Да...

- Ас Женя, сестра Ирены.

Ей показалось, что фигурка Иорданки окаменела. Она стояла некоторое время неподвижно, словно вглядываясь в темень сада. Потом женщина, кутаясь в вязаную жилетку, легко сбежала со ступенек и приблизилась к калитке.

- Моля... - Женя увидела лицо Иорданки совсем близко от себя. Она почувствовала, как ее схватили за руку и потянули. Щелкнул засов калитки, и теперь Женя стояла напротив Иорданки, которая как-то странно разглядывала ее.

- Вы узнали меня? Ас - Женя!

- Да. Узнала.

Она пригласила Женю в дом, усадила на стул, прямо под яркой лампой, сама села напротив, уложив руки на колени. Затем так же молча взяла сигарету, закурила.

- Я приехала, а Ирины нет, - развела руками Женя. - Она говорила мне, что у вас есть ключи от дома. Вы же знаете меня, вы не могли бы дать мне ключи? И вообще, где Ирина? Телефоны ее молчат. Она в Турции или куда-нибудь уехала... в Европу? Она, кажется, собиралась куда-то поехать.

Женя говорила и чувствовала, что происходит что-то странное и что молчание Иорданки слишком уж затянулось.

- Една чаша кафе? - неожиданно предложила кофе Иорданка, вставая со своего места и направляясь к буфету за чашкой.

Женя посмотрела на свои руки - они почему-то дрожали. А по спине неожиданно заструился холодный пот.

5. Шумен. Октябрь 2005 г.

Она проснулась ровно в шесть, Николай еще спал. Надо было отвести коз в стадо, покормить птицу, сварить кофе, приготовить завтрак на троих – у них же в гостях Стефан. А Стефан больше всего любит, как она готовит палачинки – русские тоненькие блинчики. Ирина готовит их особенно. Только что испеченные блинчики она рвет пальцами на небольшие куски, раскладывает на блюде и присыпает сахарной пудрой. Такие блинчики готовили в каком-то знаменитом австрийском ресторане для коронованной особы, и Ирина с тех пор печет их точно так же и называет эти блинчики королевскими.

Она умылась, надела рабочую одежду: удобные черные брюки, длинный свитер, замшевые, вытертые от работы перчатки, теплые калоши. Вышла на крыльцо, вдохнула в легкие побольше свежего влажного воздуха и залюбовалась тонушим в тумане садом.

Вернулась в кухню под петушиные крики и звуки пробуждающейся улицы, неся в руках маленький кувшин с козьим молоком. Николай еще спал. Ирина переоделась в чистую одежду, надела все светлое, повязала вокруг шеи пеструю, розовую с голубым, турецкую косынку. Распахнула окно в кухне, включила электрическую плитку, приготовила тесто для блинчиков. Пока пекла, с удовольствием пила кофе, курила. Прямо перед окном, на ореховом дереве устроился на ветке редкой красоты красно-синий дятел. Ирине показалось даже, что он посмотрел на нее. Интересно, дятлы стучат ночью? Или это ей приснилось, что всю ночь где-то стучал дятел?

– Доброе утро. – Она вздрогнула, когда почувствовала, как сзади ее обнимает муж, целует в затылок. Возможно, из-за таких вот минут она и живет с ним? Он так тихо вошел, так нежно ее обнял, и теперь они стояли, слегка покачиваясь и словно заряжаясь друг от друга.

– Буди своего брата, видишь, вот его любимые королевские блинчики.

– Я сам все съем. – Николай прикусил мочку ее уха, сильно сжал ее бедра. – Стефан уехал.

Она резко повернулась, крутанулась, широко раскрытыми глазами уставилась на мужа:

- Как это уехал? Почему? И из-за чего вы ссорились? Всю ночь орал друг на друга?

- Да так...

- Не мое дело, да? - Она обиженно поджала губы. Последний блин подгорел.

- У него проблемы. Денежные. Уговаривал меня поехать с ним в Варну, на строительство, обещал верные деньги - хозяин оплатит отель, питание. Но вспомни, уже сколько раз я верил ему, ездил с ним, и что выходило? Оказывалось, что он что-то напутал и вместо обещанных ста левов в день платят, как и везде, двадцать, да еще и квартиру снимай сам, оплачивай, не говоря уже о еде. Ну, я и сказал ему, что он болтун, настоящие дела так не делаются.

- А ты? А ты ему что-нибудь когда-нибудь предлагал? Он хотя бы пытается найти работу, старается, ездит повсюду, ищет. Конечно, ему одному трудно, я же понимаю, ему нужно сколотить бригаду.

- Это его дела, - зло отмахнулся Николай. - Все. Уехал и уехал. Плакать не стану. Все равно вернется. У него же здесь его адская машина, да и вообще... Да, вот еще что... из-за чего мы сцепились... Дом-то этот по праву принадлежит и ему, понимаешь? Ну, и об этом поговорили. Мы с тобой сюда столько вложили, пока привели его в божеский вид, а он хочет приехать на все готовое.

- Но он имеет право. И я всегда знала, что рано или поздно это случится. Коля, он прав.

- Вот и ты туда же! Ты мне кто, жена? А если жена, то должна всегда быть на моей стороне.

- А по-моему, виноват не Стефан, а то количество ракии, которое вы вчера выпили. От тебя до сих пор пахнет.

Она искренне расстроилась: Стефан уехал. Можно себе представить, как много гадостей наговорил ему Николай! Он умеет обидеть, найти слова, которые причиняют боль. Приехал младший брат, с которым они виделись не так часто, приехал, чтобы поговорить о доме, возможно, поделился с Николаем своими проблемами, а тот набросился на него, обругал.

Она молча накрыла на стол, разлила по чашкам кофе. Николай почти не притронулся к блинчикам. Пил кофе, курил, думая о чем-то своем. А у Ирины не было желания продолжать и дальше разговор о Стефане.

После завтрака Николай ушел, Ирина заметила, что он плохо выглядит: бледный, смотрит куда-то в сторону, словно избегает ее взгляда. Она была уверена, что это от выпитой ракии: с утра мужа наверняка тошнит и ему плохо. Потому и ушел, чтобы не демонстрировать свое похмелье. Прогуляется по Шумену, проветрится и вернется.

Она помыла посуду после завтрака, подмела пол, согрела воды и замочила белье. Так много было дел, что Ирина не знала, с чего и начать. Обещали дожди, а это означало, что надо бы постепенно очищать от листьев сад, жечь мусор, выкапывать клубни цветов, собирать семена. А еще надо сварить суп, сходить за хлебом, постирать, заштопать носки.

Но пока что надо просто посидеть, подумать, подышать горьковатым запахом цветущих под окнами хризантем.

Ирина села на крыльцо, положив на ступеньку мягкую, малинового бархата, подушку, посмотрела на клумбу и увидела, что цветы сильно примяты. Большой куст хризантем с сильными упругими стеблями словно с трудом поднимался от земли, словно на нем всю ночь лежало что-то тяжелое. Собака. Бродячая дикая собака. Их тут целые стаи бродят. Того и гляди нападут от голода на человека. Ирина встала, подняла куст, погладила терпко пахнущие цветы, наклонилась, чтобы вдохнуть их аромат, и вдруг увидела среди совершенно белых цветков розоватые. Приглядевшись, поняла, что они чем-то испачканы, будто... кровью. Раздвинув стебли, она увидела на земле темное пятно. Ну точно! Собака где-нибудь на плато подралась, ее ранили до крови, и она пришла отлеживаться в ее сад, улеглась на куст хризантем. Более удобного места не нашла!

К вечеру у нее заныла спина. Сад был весь в дыму – догорали костры из сухих листьев. За террасой в голубоватой дымке сохло на веревке белье и тоже казалось голубым. Ирина подумала, что теперь и постель ее, чистая, тоже будет пахнуть дымом и осенним садом. В кухне на столе стоял старинный глиняный кувшин с бархатцами – натюрморт, достойный кисти Ренуара. Солнце село, все вокруг потемнело, по радио приятный мужской голос пел известный шлягер – «Ты голубка моя...». А Николая все не было.

Так хотелось позвонить в Москву, Женьке, услышать ее голос, узнать, что она расскажет о своей жизни, с кем встречается, кого любит, кто любит ее, как у нее с работой, с деньгами, со здоровьем. Было бы спокойнее, если бы она жила где-то рядом, чтобы можно было хотя бы изредка видеться с ней и чаще перезваниваться. Звонить в Россию считалось дорогим удовольствием, поэтому Ирина писала сестре электронные письма, которые отправляла по Интернету из городской библиотеки. Компьютер, Интернет, электронная почта – слова и понятия так сильно контрастировали с тем почти первобытным образом жизни, который ей приходилось вести в доме мужа, что порой казалось, что она потихоньку сходит с ума и что никакой Болгарии и нет – она ее выдумала, она снова погружается в один из своих долгих и болезненных снов. Молодая, красивая русская женщина с высшим образованием (Московский институт легкой промышленности), страстная компьютерщица – доит коз, кормит кур кукурузой и терпит выходки бездельника мужа!

«Что я делаю здесь? Что-о?! И почему я до сих пор не купила билет в Москву? Чего я жду? Кого?»

Позвонить этому турку и сказать ему, что она на все готова? Что она шлюха, такая же, как и те, которых жизнь горстями бросает на болгарские курорты в поисках счастья. Но опуститься на самое дно она еще успеет, унижение и так подстерегает ее на каждом шагу. И если она не сорвалась до сих пор, значит, так и должно быть. Значит, существует способ изменить жизнь и выкарабкаться из этой зловонной ямы, именуемой замужеством. Замужество – вот ее главная ошибка! И даже не Николай сам по себе, а именно социальный статус – несвобода. Она зависима от человека, у которого отсутствуют практически все достоинства. Разве что его природная красота и редкие проявления нежности и страсти?

В доме зазвонил телефон, Ирина взяла трубку и услышала женский голос, показавшийся ей знакомым.

– Аз съм из Пловдива. Стефка!

Стефка! Танцовщица из кабаре, подружка Стефана.

– Слушам те, Стефка. Моля.

Понятное дело, она хотела услышать Стефана. Ирине пришлось объяснить встревоженной девушке, что Стефана нет, он уехал. Не говорить же о том, что Николай, скорее всего, просто выгнал его. Пришлось лгать, придумывать историю о какой-то важной работе, что Стефану якобы кто-то позвонил, позвал куда-то. Ей было так неприятно сочинять на ходу, изворачиваться, что она едва сдержалась, чтобы не выпалить в трубку: мой муж – невыносимый человек, и я не должна нести ответственность за его поступки. Стефка пробормотала, что она ничего не слышала ни о какой работе, у Стефана дела непосредственно в Шумене, он хотел повидаться с родственником.

Вот и повидался!

Ирина положила трубку и вернулась на крыльцо. Некоторое время сидела на ступенях, прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за ограды сада, всматривалась в гущу зелени, казавшейся сейчас, в вечернем освещении, почти синей. Николая все не было.

На несколько минут выключили электричество, и дом словно умер. Звуковой фон, льющаяся из радиоприемника песня, исчез. И сквозь слой мертвой тишины вдруг откуда-то снизу раздался непонятный звук – тоже мелодия, но какая-то придавленная, придушенная.

Она нашла телефон Стефана в подвале, там, где старый дед Райко, пока не сошел с ума, держал овец. На дисплее высветилось имя: «Стефка».

6. Шумен. Конец апреля 2007 г.

Женя вошла в дом сестры, находясь в полубессознательном состоянии, пошатываясь, воспринимая вспыхнувшие перед ней в нестерпимо ярком электрическом свете стены некогда веселого и теплого дома как гигантскую могилу близкого человека. Как склеп. Роскошный, утопающий в дорогих коврах и красивой мебели, буйно растущих растениях и разбросанных как попало милых безделушках, драгоценных по своей сути и принадлежности к Ирине вещицах.

Она знала, чувствовала, что Иорданка идет следом за ней и переживает, как бы Женя не лишилась чувств. Да и как тут не бояться, когда она только что узнала из скупой фразы соседки, произнесенной с особым, похожим на неосознанную ответственность чувством, о том, что Ирину схоронили в начале апреля, почти месяц тому назад! Что ее сбила машина. Такси. Водитель не найден. Возможно, ведется следствие...

Как же тяжело было поверить в то, что сестра, Ира, к которой она летела как на крыльях, о встрече с которой мечтала как о спасении, как об избавительнице от всех ее бед и несчастий, умерла, и они даже не увиделись, не простились!

Оглушенная известием о смерти сестры, Женя осторожно опустилась на ее кровать, аккуратно застеленную зеленым покрывалом, осмотрелась, пытаясь понять – что же здесь изменилось, что появилось нового. Практически ничего. Овальный туалетный столик в стиле барокко, антикварный фарфоровый ангел с отбитым розовым крылом, натюрморт с бархатцами в золоченой раме, кружевные занавески, за которыми синело большое, до пола, окно.

– Иорданка, что с магазином? Он закрыт? – машинально спросила она, чтобы разбить стеклянную, давящую на уши тишину.

– Не знам, – всхлипнула она. – Госпожа Ирена... Така хубова жена... Аз обичах Ирину...

Она сказала, что любит Ирину. Да и как ее было не любить, ведь она была настоящим ангелом.

– А что Николай?

– Он живет в Страсбурге, во Франции, – тихонько скулила в углу, вжавшись в кресло, Иорданка.

– Кажется, он женат?

– Да...

– А на похоронах он был? – вяло спросила Женя, понимая, что никакого смысла во всех этих дежурных вопросах все равно нет, как нет и самой Ирины.

Иорданка сиплым высоким голосом рассказала, непрерывно плача и сморкаясь в большой платок, что Николай был на кладбище, плакал, и все видели, что он плакал, и каждый, по ее мнению, презирал его за то, что он не смог удержать рядом с собой такую женщину, как Ирина. И не спас ее. Не был рядом, когда на нее наехал этот сумасшедший или пьяный водитель такси.

– А кто сказал, что это было такси? – вдруг очнулась Женя, явственно представляя себе желтый автомобиль, мчавшийся по дороге прямо на сестру. В тот момент, когда она мысленно увидела лежавшую на обочине в пыли Ирину, почему-то обнаженную, белую, с головой, залитой кровью, тело ее дернулось, словно это в нее въехала металлическая желтая, в шашечках, смерть.

Иорданка рассказала, как увидела машину, удалявшуюся от дома, и нашла Ирину...

– Как вы думаете, она не мучилась?

Иорданка считала, что Ирина даже испугаться не успела, не то что почувствовать боль. Все произошло как-то неожиданно, нелепо, странно...

– А к кому приезжала машина? Если это такси, значит, машина должна была либо кого-то привезти, либо отвезти, либо водитель живет где-то поблизости.

Иорданка ответила, что никто из соседей ничего не знает о такси, дознаватель и следователь допрашивали их, и получалось, что такси словно специально заехало в этот тупик, прямо у подножия плато, чтобы сбить «русскиню».

– Пойдите! Как это – нарочно?!

Но Иорданка больше ничего не сказала. Жене показалось даже, что у нее такой вид, словно она проговорила, сказала что-то такое, в чем и сама сомневалась либо считала, что говорить об этом несвоевременно или вовсе бессмысленно. Потом, сославшись на то, что ее ждет дома муж, и посоветовав Жене обратиться к «русскиням» из «Русского клуба», она ушла. Женя так и не поняла, что произошло и почему Иорданка так быстро бросила ее. Быть может, она уже почти месяц живет с чувством вины за то, что Ирина была сбита машиной в тот момент, когда шла к ней купить молоко?

И только когда она ушла и в доме стало и вовсе невыносимо от тишины, Женя вдруг поняла, что не задала ей ни одного стоящего, важного вопроса. Как жила в последнее время сестра, с кем из мужчин встречалась, какие дела были у нее в магазине, не было ли долгов, не влипала ли она в какие-нибудь неприятные денежные истории. Ведь, судя по последней фразе Иорданки, таксист словно нарочно сбил Ирину – именно ее. Убийство?!

От этого слова и вовсе повеяло замогильным холодом.

– Ирина! – крикнула истеричным, полным боли и слез голосом Женя, обращаясь к дому. – Где ты? Как же так? Я не верю, не могу поверить в то, что тебя нет... Ирочка моя, сестричка...

И она заметалась по дому в смутной надежде, что сестра ее услышит и откуда-нибудь явится, предстанет перед ней не как видение, а как живая, красивая, цветущая молодая женщина.

Но дом был пуст. Хотя каждая вещь, каждый цветок или узор на ковре напоминал о хозяйке, она незримо присутствовала повсюду, и Жене даже показалось, что она чувствует ее присутствие где-то совсем рядом.

...Записную книжку она нашла в сумочке сестры. Там же лежал большой кошелек, набитый левыми и банковскими картами. Удивительно, что после смерти сестры дом не разграбили, не воспользовались ситуацией. Да та же самая Иорданка, у которой были ключи! Она наверняка бывала здесь после смерти соседки, поливала цветы. Больше никому – цветы ухожены, живы.

Женя знала, что искала – телефон подружки сестры, Румяны. Она несколько раз видела эту маленькую хрупкую блондинку с огромными голубыми глазами и прокуренным голосом. Но в записях она ни разу не встретила это удивительное, румяное имя. Зато нашлась Наташа, приятельница из «Русского клуба». В своих первых письмах Жене Ирина писала, что Наташа помогает ей, если бы не она, ей было бы сложно разобраться с документами. Именно Наташа посоветовала, к кому обратиться, чтобы продлить паспорт, добыть какие-то документы из России.

Женя посмотрела на часы – половина первого. Наташа может уже спать. Но дело-то важное, безотлагательное, она поймет и простит. Ведь может случиться, что Женя, промаявшись всю ночь бессонницей, проспит утро и опоздает со своим звонком, Наташа уйдет на работу и вообще распланирует свой день таким образом, что у нее не найдется свободной минуты для встречи с внезапно приехавшей сестрой Ирины.

Она набрала номер и вдруг поняла, что совершенно не подумала о существовании мобильного телефона сестры. В сумочке его не было, значит, он где-то в доме или, что хуже, Ира взяла его с собой тогда, в то злополучное утро, когда ее сбила машина. Возможно, телефон в полиции. Или в прокуратуре, у следователя, ведущего это дело. Или уже не ведущего.

– Моля? – услышала она сонный и совсем близкий голос.

– Наташа?

– Слушам вас, – простонала Наташа.

– Наташа, меня зовут Женя, я – родная сестра Ирины Колевой... или Родионовой.

– Женя? – Тон ее сразу же изменился, потеплел. – Сестра Ирины... Боже мой, ты все-таки приехала! Это моя вина, моя... Я не нашла твоего телефона, не позвонила, не сообщила, не написала. Прости меня, ради бога, но ты все равно бы не успела, твою сестру так быстро похоронили! Пока ты разобралась бы с визой...

– Да у меня была виза! – в сердцах вскричала Женя.

- Прости меня, девочка... Все равно ты не успела бы. Ее похоронили на следующий день.

- Извините... - Жене стало стыдно за свою эмоциональность.

- Я понимаю, ты хочешь встретиться, поговорить. Завтра в десять на Славянском бульваре, возле Русского памятника. Знаешь, где это?

- Знаю.

- А я позвоню Румяне.

- Я не нашла ее телефон.

- Не надо ее сейчас будить, я заеду за ней утром. Знаешь, мне иногда кажется, что она до сих пор не может прийти в себя после смерти Ирины. Они были подругами, понимаешь? Самыми близкими подругами. И она тоже ужасно расстроилась, когда поняла, что не может связаться с тобой. Я думаю, Ирина знала все твои телефоны наизусть, как и телефон Румяны, поэтому ничего не записывала. Представляешь нашу растерянность, когда мы обо всем узнали...

После разговора с Наташей Жене стало еще тоскливее. Она была одна, в пустом, ярко освещенном доме, и не знала, что делать, как быть и, главное, каким образом найти того, кто так безжалостно расправился с Ириной. Таксист! Она вспомнила таксиста, привезшего ее сюда. Должно быть, это тоже болгарин, который улыбается своим пассажирам и делает вид, что он белый и пушистый. А на самом деле он - убийца! Убийца... Какое тяжелое, острое, как нож, и ядовитое, как яд, слово.

Женя открыла холодильник и удивилась, что продукты, которые запасала, вероятно, еще сестра, не испортились: герметично упакованные сыр и брынза, маринованная семга, колбасы, консервированные компоты и баночки с ее любимым конфитюром из боровинки. Вот только хлеба не было.

Она нашла в буфете чай, заварила его, поужинала кусочком сыра и печеньем с конфитюром. Потом вымыла чашку, вытерла крошки со стола, прибралась в доме, разложив по местам некоторые вещи сестры, и, выключив везде свет, вернулась в спальню, включила телевизор. На экране замелькали вызванные нервными нажатиями кнопки многочисленные каналы. Жизнь продолжалась. Для всех. Кроме Ирины. Кроме человека, который так любил жизнь. Она, которая так много вытерпела в этой стране, среди чужих ей людей, нашла в себе силы не растеряться, выкарабкалась из нищеты, разорвала отношения с нелюбимым мужчиной и начала новую, свободную и красивую жизнь. Объездила почти всю Европу, много повидала, поняла, и теперь ей бы только наслаждаться жизнью и помочь своей младшей сестре.

И Женя, уткнувшись в еще пахнущую духами сестры подушку, разрыдалась.

7. Шумен. Октябрь 2005 г.

Стефка звонила еще много раз, спрашивала, не появился ли Стефан, не звонил ли. Она была сильно обеспокоена, говорила, что Стефан никогда не расставался со своим телефоном, звонил ей часто, это противоестественно, что он так долго молчит. Ирина сдержанно советовала ей раньше времени не бить тревогу, говорила, что, скорее всего, он все же устроился на работу, а не звонит потому, что потерял телефон. Другого объяснения, по ее мнению, быть не может. Она внушала Стефке мысль, что надо немного подождать, ведь прошла всего неделя. Она говорила, а сама, представляя себя на месте Стефки, заходила в ужасающих подозрениях, которые лишили ее сна и заставили по-другому посмотреть на мужа. Быть может, ей только показалось, что он изменился, но в нем появилось что-то такое, чего прежде не было. Его обычная разговорчивость и мягкость в те минуты, когда они в конце дня ложились спать, когда им обоим казалось, что они любят друг друга и что впереди у них лучшая жизнь, сменилась озабоченной молчаливостью, задумчивостью, а на лице Николая Ирина стала замечать тень страха, тревоги. Она не пыталась разговорить мужа, понимая, что, если он захочет, расскажет сам. И, если бы не обнаруженный в доме телефон Стефана, Ирина связала бы изменение поведения Коли с недавней ссорой с братом. Но телефон... Стефка говорит, что он никогда не расстается со своим телефоном. Неужели Стефан ушел, оставив его? Но почему в подвале, в хлеву для овец? Ирина тщательно осмотрела подвал, но ничего подозрительного не нашла. Неужели это Николай швырнул туда любимую игрушку брата? Чтобы

позлить его, досадить ему? Но откуда столько злости? Вот, мол, тебе твой дом и место, где ты будешь жить, братец? Нет, этого не могло быть.

Можно было бы, конечно, рассказать Николаю об этой находке и спросить его, каким образом телефон брата оказался в подвале, но Ирина медлила. Она чувствовала: что-то должно произойти, Стефан не сегодня завтра объявится, и тогда она сама вернет ему телефон, скажет, что нашла его в комнате, под столом, еще упрекнет его, пожалуй, за то, что они с Колей тогда так напились. Словом, постарается сделать вид, что она ничего не знает о том, какой серьезной была ссора, и, если у нее получится, помирит братьев. Она была готова и к тому, что Стефан будет жить в их доме вместе со своей девушкой, Стефкой. Даже комнату приготовила – побелила стены, вычистила старые ковры, проветрила шкаф, постирала занавески. А может, с приходом в этот дом Стефана со Стефкой и Николай изменится, одумается и найдет наконец себе постоянную, с хорошей зарплатой работу? Так хотелось в это верить...

Шел дождь, за окном потемнело. Ирина растопила печку, в кухне стало тепло, в кастрюле варилась картошка, а в холодильнике стояла миска с соленой селедкой. Она сама научилась ее солить и теперь приучила к этой традиционно русской еде мужа. Жаль, что не хватило денег на сливочное масло, придется есть картошку с маргарином. Здесь все едят маргарин, намазывают на хлеб, посыпают солью и едят. Особенно дети... Дети. Как хорошо, что у них с Николаем нет ребенка. Это была бы настоящая катастрофа. Чем бы она его кормила? Во что одевала? Где взяла бы денег на кроватку, коляску?

Она вздрогнула, услышав металлический лязг открываемой калитки. Николай. Он шел быстро, спасаясь от дождя. Ирина поставила на плиту маленький чайник, успев сыпануть в горячую воду горсть липового цвета – любимый чай Николая.

Он распахнул дверь и замер на пороге со странно-счастливым выражением лица, смотрел на нее в каком-то немом восторге, потом вдруг бросился к ней и схватил, сжал до хруста в костях.

– Коля... Что случилось? Ты нашел работу?

– Ирена! Аз обичам те... Я люблю тебя, моя малышка! Мой дед... дед Райко... Он умер.

– Умер? Дед Райко, который находился в сумасшедшем доме?

– Да не в сумасшедшем. – Он отстранил ее от себя и посмотрел в глаза. – В доме престарелых! Он не сумасшедший, просто потерял человек память.

– А как же голоса? Ты сам говорил, что он постоянно слышит какие-то голоса, а когда ты видел его последний раз, ему приносили таблетки, а он говорил, что они застревают у него в горле, потому что им мешают пройти какие-то женщины из Черно?

– Ну, говорил, и что с того? Главное, что перед смертью он кое-что вспомнил. И очень важное. Сядь. И я тоже сяду.

Он усадил Ирину за стол, сел напротив и достал сигарету. Потом еще одну, протянул жене.

– Я не говорил тебе... Но наш дед служил когда-то в Турции, не знаю, в какой армии. Может, он был предателем. Ничего не знаю, кроме того, что он продавал оружие. Думаю, он занимался не только этими, но и еще более нехорошими делами. Помнишь, Стефан постоянно искал какие-то клады с монетами Османской империи? Так вот, это у нас в крови – у Стефана и у меня. Это дед заразил нас этими кладами. Он давно говорил нам, что идиоты-соседи носятся со своими адскими машинами – металлоискателями – не там, где надо. Что золото – в Стамбуле, он даже упоминал какие-то географические названия. Но мы же были детьми, мы ничего не понимали. Наш дед был не простым человеком, да и характер у него был дурной. Он был драчуном, выпивохой. Короче, поссорился он один раз с каким-то своим другом, который стал полицейским, да так разозлился на то, что тот стал важничать, – взял и сунул его головой в мусорный бак. А потом... Этот полицейский с друзьями избили его. Думаю, вот тогда-то ему и разбили голову. Хотя, может, он всегда был немного сумасшедшим.

– Коля, это ты сумасшедший, – разозлилась Ирина. – Ты приходишь и говоришь, не скрывая радости, что твой дед умер. Чему радоваться? И зачем ты рассказываешь мне эти дичайшие истории?

- Да он, перед тем как скончаться, вспомнил адрес того дома в Стамбуле, говорю же тебе, где он спрятал монеты! Теперь поняла?!

- И ты знаешь этот адрес? - осторожно спросила она. - Ты не пьян, случаем?

- Брось мне тут... Пьян! Сама ты пьяная, раз ничего так и не поняла. Мы теперь богаты, Ирена, понимаешь? Богаты!

- Постой, но как ты узнал, что дед умирает? Кто тебе назвал этот адрес?

- Дед! Мне позвонили из дома престарелых и сказали, что Райко Колев совсем плох, умирает. Ты думаешь, почему я так поздно пришел? У него был. Вот он мне и рассказал.

- А ты и поверил?

- Но он по слогам продиктовал мне адрес! Еще сказал, что Стамбул - большой город.

- А дед? Он ведь умер? Надо же его похоронить.

- Что за голова такая у тебя? Откуда такие мысли? Нет бы о золоте думать, как его взять из того дома, там же наверняка люди живут. А ты - похоронить! Да без тебя уже похоронили! Там это быстро делается.

Он был так возбужден, что почти не ел. Ковырял вилкой в селедке, говорил о том, что надо бы занять денег на дорогу до Стамбула, главное - это деньги, потому что дорога займет всего полдня, стоит только сесть в автобус утром, и уже после обеда они будут в Стамбуле.

- Я не поеду, - заявила Ирина, убирая тарелки. - Займи на один билет, лучше туда и обратно.

Ей вдруг подумалось, что, если Николай уедет и не вернется, она станет свободна. Такая вот неожиданная, сладкая мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ракия- болгарский самогон.

Купить: https://tellnovel.com/ru/danilova_anna/den-bez-lyubvi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)